

смысленно колеблющийся между бесспорной субъективной достоверностью, неопределимой единичностью и с трудом поддающимся описанию способом данности. “Личность – не вещь, не субстанция, не предмет”<sup>2</sup>.

Я-субстанция, некий сверхчувственный неизменный субстрат, подлежащий переменчивым впечатлениям и представлениям, не может быть удостоверен никаким опытом ( в смысле эмпирического чувственного восприятия). Личность – это только “a bundle or collection of different perceptions, which succeed each other with inconceivable rapidity, and are in perpetual flux and movement (“пучок или собрание различных восприятий, сменяющих друг друга с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении и движении”)<sup>3</sup>.

Мы сталкиваемся тем самым с парадоксальным положением дел: то, что составляет личность, с одной стороны, дано нам в качестве феномена, но одновременно в своей данности подразумевает некий дефицит феноменальности. Личное бытие дано и одновременно ускользает от нас. Это ускользание, т.е. сопротивление тому, чтобы стать чем-то вполне зримым и присутствующим в настоящем, собственно, и относится к сущности личности.

Мы тем не менее хотим, чтобы то, что составляет личное бытие, было бы по возможности усмотрено и признано всеми, ибо только так возможно человеческое общество.

Чтобы понять, что же составляет личное бытие, мы спросим: «Что, собственно, мы видим, когда видим в личности некоего индивида, принадлежащего виду “человек”?»». Мы видим некое тело, которое движется, мы видим лицо с определенной мимикой и определенным выражением, мы слышим голос и для нас внятно произносимое им. Но что позволяет нам видеть, что перед нами личность, а не, скажем, некое искусственное существо, например, робот, который на вид и в отношении своего поведения в совершенстве подражает человеку?<sup>4</sup>

---

<sup>2</sup> Heidegger M. Sein und Zeit. 1927. 8. Aufl. 1957, 47. Хайдеггер пересказывает здесь, впрочем, точку зрения Макса Шелера.

<sup>3</sup> Hume D. A Treatise on Human Nature. В I, part IV, sect. VI.

<sup>4</sup> Дифференцированное разъяснение истории проблемы и современного состояния дискуссии дают следующие тексты: Spaemann R. Personen. Versuche über den Unterschied zwischen “etwas” und “jemand”. 1996; Kobusch T. Die Entdeckung der Person. Metaphysik der Freiheit und modernes Menschenbild. 2., erw. Aufl., 1997; Sturma D. Philosophie der Person. Die Selbstverhältnisse von Subjektivität und Moralität. 1997.

## 2. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В контексте проблемы личности речь идет не просто о теоретическом вопросе. Эта проблема имеет огромное практическое значение, в определенном смысле это вопрос выбора между жизнью и смертью. Это легко увидеть, если мы попытаемся обдумать практические следствия некоторых вопросов прав человека, медицины и медицинских исследований.

Как обстоят дела с чертами личности у зародыша? Зародыш, разумеется, – не личность в привычном смысле, но можно ли с уверенностью утверждать, что он не имеет никакого отношения к наделенному личностью существу? Ведь мы знаем, по крайней мере, что при нормальном развитии он превратится в человеческую личность.

Я не стану пытаться разрешить эту проблему и упоминаю ее только для того, чтобы стало понятно, насколько важно иметь ясные критерии того, что представляет собой личность, а что нет. К этим критериям относится некоторым образом также и “зримость”, по меньшей мере зримость в широком смысле – как феноменальность.

Важнейшее конкретное условие, дающее возможность распознать и признать в том или ином существе личность, состоит в том, чтобы посмотреть ему в глаза, встретиться с ним лицом к лицу. Пилот бомбардировщика, для которого люди – только “подвижные цели”, мог бы не стать причиной гибели тысяч людей, если бы он должен был посмотреть в лицо своим жертвам. Точно так же экономические решения, которые могут стать причиной голодной смерти или, наоборот, выживания многих людей, принимают, не видя тех, кто испытывает на себе последствия этих решений, не думая о них и не беря в расчет.

## 3. НЕИСЧЕРПАЕМОЕ БОГАТСТВО ФЕНОМЕНА “ФЕНОМЕН”

Как и при каких условиях личное бытие может стать феноменом? Где и как личное бытие дано так, что становится усматриваемым и тем самым может быть признано?

Чтобы суметь ответить на этот вопрос, необходимо разъяснить статус феномена. Что такое феномен вообще? Привычный ответ в феноменологической традиции звучит так: феномен это то, что является в сознании, что дано в сознании.

Кажется, что это – однозначное и ясное определение. Но при более пристальном рассмотрении обнаруживается, что с ним связано множество вопросов. Данное в сознании – не просто усматриваемое явление, это данное включает в себе отсылки, заклю-

чено в некоторый горизонт, немедленно схватывается в языке, обсуждаемо, несет на себе языковой отпечаток, имеет предысторию и последующую историю.

Как только мы хотим точнее описать, что есть феномен, возникает многообразие отдельных моментов, аспектов, взаимных импликаций (представление, артикулированный звук, выражение, значение, пустая и наполненная интенция и т.п.)<sup>5</sup>. “То, что себя показывает, разными способами отсылает за свои пределы, дано всегда больше, чем подразумевается”<sup>6</sup>. Феномен представляет собой событие, некую историю. Каждый феномен разрывает собственные границы, выходит за свои пределы, каждый феномен – “избыточен”<sup>7</sup>.

Решающее обстоятельство в этой избыточности феномена – всегдашняя связь видимого со слышимым и понимаемым. Феномен всегда “обсуждаем”, несет на себе отпечаток языка, он назван, истолкован – и он сам говорит, он *есть* язык, он может, более того, превратиться в зов. Поэтому в каждом феномене имеется нечто зримое и нечто еще не открытое, незримое, что выявляется только в говорении.

Это особенно ясно усматривается в случае, когда личность становится феноменом. Поэтому вопрос о феноменальности личности послужит для нас образцовым примером, позволяющим прояснить возможности и границы феноменологии, а также ее особый способ работы. На примере феномена личности мы можем надеяться понять, как устроен феномен вообще, как он действует, как он разворачивает поначалу скрытые импликации, как он начинает говорить. Личность оказывается идеальным образцом неисчерпаемого, избыточного феномена. Феномен говорит больше, чем показывает.

#### 4. ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ КАК ЗОВ

Попытаемся еще раз прояснить для себя парадокс личности такого феномена, который одновременно нефеноменален. Итак, мы видим, собственно, тело, но в самом теле – больше, чем тело, мы видим личность, Самость Другого, Другого *как* его самого, *как* личность. Мы воспринимаем нечто, что незримо, но при этом образует в собственном смысле слова реальность Другого.

---

<sup>5</sup> Ср.: *Richir M.* Das Abenteuer der Sinnbildung. Aufsätze zur Phänomenalität der Sprache. 2000. 78–88 u. ö.

<sup>6</sup> См.: *Waldenfels B.* Einführung in die Phänomenologie. 1992. S. 32.

<sup>7</sup> Разумеется, для этого положения вещей можно подыскивать другие метафоры. Так, Жан-Люк Марион в своем обстоятельном, весьма дифференцированном исследовании развивает понятие насыщенного феномена. По этому поводу имеется обширная литература.

В любом случае это бытие-собой не может быть оторвано от тела. Личность обнаруживает себя, выражает себя посредством тела. В своей телесности личность становится оптическим феноменом, но эта зримость полна указаний на те измерения, которые сами по себе незримы, но становятся зримыми и сообщимыми благодаря выражению в телесности. Наиболее интенсивно, наиболее внятно (говоряще) феномен личности дан в человеческом лице. Это означает что тело *есть* сообщение, язык, выражение.

Без тела, без чувственного опосредования мы не можем воспринять Другого. Однако то, что превращает Другого в личность, не есть его тело, но и не может быть оторвано от тела! Здесь обнаруживается некая неснимаемая дифференция и вместе с тем – нерасторжимая связь.

“Когда вы видите нос, глаза, лоб, подбородок и можете их описать, тогда вы обращены к Другому как некоему объекту. Но лучший способ встретиться с другим заключается не в том, чтобы заметить цвет его глаз. Когда обращают внимание на цвет глаз, утрачивают социальное отношение к другому”<sup>8</sup>.

Попытаемся еще точнее усмотреть те условия, которые позволяют Другому “заговорить” с нами посредством своего тела. Это “заговаривание” состоит отнюдь не в первую очередь в фонетическом выражении, которое Другой адресует нам. Другой затрагивает нас, имеет что нам сказать благодаря тому обстоятельству, что мы сами, в силу нашей телесности и смертности, всегда уже *проникаем в его экзистенцию*. Еще до словесного выражения мы вступаем друг с другом в общение благодаря тому факту, что мы, как смертные, связаны друг с другом общностью судьбы. Мы всегда проникаем в нашей экзистенции в экзистенцию другого, причем так, что в конечном итоге дело идет о жизни и смерти. Если бы мы не могли проникнуть в экзистенцию Другого, никакое общение не было бы возможно, по крайней мере, не имело бы никакого значения.

Смертность и ранимость суть условия возможности общения. Если бы Другой не был смертен, иными словами, не испытывал бы угрозы своей экзистенции и тем самым своей самости, личности, мы не могли бы ничего у него взять и ничего ему дать. Общение с ним в этом случае ничем не отличалось бы от обмена вещью, скажем, обмена вещь между растением и почвой, в которой оно растет. Оно (общение) было бы чисто физическим процессом, происходящим без участия Самости.

Данная вместе с телом смертность есть условие общения, условие разговора. Поэтому Жак Лакан мог сказать: “Смерть –

---

<sup>8</sup> Lévinas E. Ethik und Unendliches. Gespräche mit Philippe Nemo. 1996. S. 65.

мастер разговора”. В феноменальности Другого незримо приговаривает смерть.

Необъяснимая связь или взаимопроникновение двух измерений наиболее внятно показывает себя в лице; оно представляет собой наиболее интенсивное выражение и телесности, и личности другого. В чувственно воспринимаемом показывает себя незримое. Лицо говорит больше, чем можно видеть.

Нам требуется зримость постольку, поскольку она представляет собой первое основание, позволяющее воспринять другие размерности чувственности и телесности, в особенности возможность быть затронутым (задетым). То, что зримо, можно задеть, а то, что можно задеть, ранимо, подвержено разрушению. То, что мы видим, мы можем ранить, вплоть до смерти. Мы можем проникнуть в личное бытие другого человека.

Но это возможно только для такого существа, которое *сознательно* воспринимает свою ранимость. Собственно говоря, убить можно только такое существо, которое знает о своей возможной смерти. Этого мы не можем *видеть* прямо, но мы *знаем* это. Мы *можем* об этом знать, когда *хотим* об этом знать. Но чтобы знать это, нам нужен чувственный контакт, такой контакт, который напоминает нам о теле как целом – со всеми его измерениями, и прежде всего – ранимостью и смертностью.

Во встрече с другим человеком с нами заговаривает, таким образом, не просто зримое как таковое, но телесность, а вместе с ней то обстоятельство, что мы вмешиваемся в его существование, что мы ответственны за него, именно потому, что у нас есть сила оказать на него такое воздействие, в котором в конечном счете речь может идти о жизни и смерти. В восприятии телесно зримого мы сталкиваемся с чем-то таким, что поначалу незримо, но говорит с нами, не словами, но посредством ощущаемой нами открытости нашему воздействию.

Этому вмешательству, проникновению, которое может простирается вплоть до разрушения, зримо воспринимаемый человек оказывает *сопротивление*, мощное, но ненасильственное, сопротивление. В конечном итоге именно это сопротивление поначалу *говорит* нам нечто, нечто такое, что мы никоим образом сами сказать не можем, нечто такое, что мы не можем просто герменевтически истолковать, умозаключить на основании феномена.

Именно в своей ранимости и смертности другой человек говорит нам: Ты не смеешь меня убить и ты неспособен меня убить; и если ты меня все же убьешь, от тебя ускользнет именно то, что ты хочешь убить, моя Самость. Другой человек есть существо, которое мы можем убить и которое тем не менее ускользает от

нашей власти, которое мы как таковое – в его бытии-собой – убить не можем.

Мы установили тем самым, что “ядро личности” – душа, духовное – незримо, но вполне воспринимаемо. Явление феномена (личности) – это прорыв некоего незримого порядка, который тем не менее становится воспринимаемым только для тех, кто сам принадлежит этому порядку и в нем утверждается, т.е. кто знает свое личное достоинство – свой долг – и его осуществляет. Это происходит в ситуации разговора, ответа и ответственности.

## 5. ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ ТЕЛО ЛИЧНОСТИ

Самость не может быть отделена от тела. Благодаря своему телу личность есть призыв: призыв себя воспринять и признать. Телесность – исходный язык личности.

Это, однако, означает заодно, что язык представляет собой нечто вроде межличностной телесности определенной личности. Языковое событие – это сообщающая о себе телесность-чувственность, и в этом – сообщающая о себе душа.

Феномен, т.е. данность в сознании, всегда уже погружен в событие языка и коммуникации. Телесность-чувственность – это среда межличностно совершающегося общения. Тело есть выражение, а потому – язык.

Само собой понятное и вместе с тем необъяснимое обстоятельство в этом процессе заключается в том, что в нем происходит душевно-духовное общение. Тем самым здесь встает со всей остротой проблема души и тела. Эта проблема дает о себе знать и в событии языка, и в событии феноменальности. Язык и феноменальность суть измерения телесности (в широком смысле), но телесность – всегда одушевленная телесность. Феномен – это “продолжение” или “добавленное измерение” телесности той или иной личности. То, что показывает себя в лице, показывает себя как феномен. Тело – первый способ перевести личность в модус зримости.

В зримом нечто прорывается. В зримом выражении говорит незримое лицо и становится благодаря этому на свой собственный лад “зримым”, воспринимаемым. Причем этот способ больше не подчиняется законам репрезентативного (*vergegenwärtigend*) представления.

Это “в” незримого *в* зримом мы можем только констатировать, оно не может быть разъяснено в большей мере – в соответствии с законами некоей механики или онтологии. Что оно таково – бесспорно. Почему оно таково, необъяснимо.

Паскаль показал, что вопрос об отношении духа к материи должен всегда оставаться без ответа. Проблема неразрешима со стороны самого предмета ни посредством монистических, ни посредством дуалистических теорий, ни с помощью психофизического параллелизма. “Человек для себя самого – самая загадочная вещь в природе, ведь он способен постичь, что есть тело, и в еще меньшей степени – что есть дух, а менее всего он понимает, как тело может быть соединено с духом. Это – вершина всех затруднений, и тем не менее, в этом – наша суть”<sup>9</sup>.

Но Паскаль также указал путь, как мы, по крайней мере, можем обходиться с этой проблемой разумным образом, сославшись на существование различных порядков. То, что в границах одного порядка есть нечто значительное, в границах другого – бесконечно малая или и вовсе незримая величина<sup>10</sup>.

Искусство феноменологического видения состоит в том, чтобы видеть разные размерности (феномена) в напряженном единстве, так что связь духа и материи не разрывается, но вместе с тем различие между ними не затушевывается, превращаясь в некое единство – т.е. неразрывно, значит вместе, и неслиянно, значит в различии, в постоянном отстоянии определенного отношения.

## 6. ЛИЧНОСТЬ МОЖНО УЗНАТЬ ТОЛЬКО ПОСРЕДСТВОМ ПРИЗНАНИЯ

Попытаемся еще больше разобраться в том, как можно прийти к пониманию личности. Как одна личность узнает другую? Очевидно, это происходит так, что одна личность внимает оклику и зову другой и этот оклик и зов *признаёт* в качестве такового, исходящего от другой личности, равной ей самой, т.е. от некоего Ты. Решающий момент состоит, стало быть, в признании. Признание же не выводится из какого-то другого знания или познания. Оно, скорее совершается непосредственно, исходит от личности и обращено к личности.

Я вижу личность *как* личность – не как вещи, не как животное – впервые тогда, когда я подхожу к ней в соответствующей *установке*. Что это, собственно, за установка – составляет тайну

---

<sup>9</sup> Pascal B. Pensées / Éd. Brunshvicg // Pascal B. Über die Religion und über einige andere Gegenstände (Pensées / Übertr. u. hg. von E. Wasmuth. 7. Aufl., Heidelberg., 1972. 50.

<sup>10</sup> Ср.: Pensées. Fragment 793 (Brunshvicg). 372–374.

творческой и участной свободы человека. Можно сказать также вслед за Левинасом, что она сбывается ан-архически, т.е. “без основания и причины”, не как следствие чего-то иного. Конечно, она подразумевает различные сопутствующие влияния, но в конечном счете она совершается безусловно в особом акте согласия, точно так же, как ан-архически, безусловно совершается призыв лица.

Тем не менее мне нужно зримое и осязаемое, чтобы могла возникнуть эмпатия. Без со-чувствия нет никаких связей и, значит, никакой человечности. Переживаемое эмпатически совершается в нас мгновенно и без дальнейшего опосредования как призыв. Как происходит “перемена” или переход от чувственно воспринимаемого к личностно-духовному, нельзя объяснить. В конечном итоге речь здесь вновь идет о вопросе, на который нельзя найти ответа: как дух действует на плоть. Это совершается просто, настолько просто, что мы этого чаще всего не замечаем, но всегда уже предполагаем и принимаем как само собой разумеющееся. Это происходит в каждый момент нашего общения, в каждом разговоре, в каждом движении взгляда, в каждом восприятии другого. Звуковые волны, – которые я произвожу и которые другой воспринимает при помощи звуковых рецепторов, далее транспортируются в качестве нервного сигнала в мозг и здесь декодируются, превращаясь в осмысленное сообщение, – необходимы в качестве посредника. Они – тело мысли, но смысл или дух, вопреки сказанному, остается непостижимым на уровне физического. Но он – здесь, он действует, он делается понятным.

Это семантически-герменевтическое понимание требует тем не менее в качестве предпосылки эмпатически-этической участливости. *До* видения совершается слышание – и это не просто физиологический, но еще и этический процесс. Я слышу Другого, только если я готов слушать, если у меня есть воля и внимание, чтобы слышать. Так называемая проблема “чуждой психики” – это в первую очередь этическая проблема.